

БОРИС МИНАЕВ:

«Ценности свободы не должны быть слишком тесно связаны с противостоением»

В продолжающейся дискуссии о событиях 90-х годов участвуют представители сразу нескольких поколений. Но можно констатировать, что сами эти события не ушли в историю и остаются актуальным прошлым – никакого общего взвешенного взгляда на них так и не выработано. Почему это время кажется столь мутным и двусмысленным? О невысказанной проблеме 90-х «Культиватор» беседует с писателем Борисом Минаевым.

Борис Минаев, главный редактор онлайн журнала «Медведь», автор книги серии ЖЗЛ «Ельцин», «Психолог, или ошибка доктора Левина»
беседовал: Иосиф Фурман
фотографии: Тамара Корнильева

– Что бы вы рассказали про 90-е своим внукам?

– Я и сам иногда задаю себе этот вопрос, но пока не нахожу на него простого и понятного ответа. Когда говорят, что это было смутное время, я не могу с этим спорить. Это было тяжелое, смутное время, и никто не знал, к чему оно в итоге придет. С другой стороны, я считаю, что это было время бурного развития страны. В ней произошло то, чего никто не предполагал и не ожидал. Возникло что-то совершенно новое. Но описать все то, что реально нового появилось в 90-е, и объяснить, в чем его ценность, под силу разве что целой академии наук. А внукам я, наверное, мог бы сказать в двух словах, что это было очень интересное время. И что те годы были самыми интересными в моей жизни.

Вопрос о 90-х стал для меня болезненным, когда я понял, что многие из тех людей, с которыми я нахожусь на одной площадке, с которыми я дружу или общаюсь, совершенно иначе относятся к этому периоду. В основном это были люди младше меня на 15–20 лет. То есть следующее поколение. И в какой-то момент я вдруг понял, что для них Ельцин и демократия – это примерно то же самое, чем для нас была советская власть. Когда началась эпоха перемен, они были еще очень молодыми, несамостоятельными людьми, подростками, и они стали свидетелями того, как у их родителей сломалась в самом зените профессиональная карьера, и их семьям пришлось справляться с отталкивающей бедностью. Множество взрослых вдруг превратились в неуспешных, неудачливых, потерянных людей, и из-за этого дети и подростки оказались в каком-то смысле брошены на произвол судьбы. Их пугала тогдашняя бурная уличная жизнь (ларьки, бандиты, спекулянты). Лишь немногие из них ставили себе целью учиться, чтобы овладеть какой-нибудь серьезной профессией (разрушение ценностной иерархии профессий тоже было одним из следствий перемен). И для них все эти непонятные лица, которые каждый день мелькали в телевизоре (Ельцин, Гайдар, Чубайс), – это была их «советская власть». Та данность, та «глухая бетонная стена», от которой они вынуждены были отталкиваться. И вот почему они так тепло и нежно относятся к исчезнувшему СССР, который они

Фотграф: Тамара Корнильева

очень слабо помнят и совершенно не понимают, потому что не видели его взрослыми глазами. Этот водораздел я почувствовал очень остро.

– Но ведь и у вашего поколения нет единой позиции по 90-м?

– Там был очень серьезный конфликт желаемого и возможного. Кроме того, мы и сами до сих пор не очень хорошо понимаем, что с нами произошло в 90-е годы.

В нулевые годы, хотя они прямо проистекают из 90-х, возник прямой социальный заказ на вычеркивание этого периода из нашего сознания, своего рода «ребрендинг» истории. Сверху были запущены все эти мощные и грубые объяснительные конструкции и механизмы, которые для массового сознания идентифицировали этот период как негативный. Но это все идеология, а она не так важна, как жизнь. Легко можно представить себе ситуацию, при которой 90-е не объявили бы «лихими». Но само по себе это ничего бы не изменило...

Одна из ключевых проблем, на мой взгляд, состоит в том, что многие автоматически, не задумываясь, считают «Ельцина, Гайдара и Чубайса» ответственными за чудовищную криминальную составляющую тех годов. А для меня совершенно очевиден тот факт, что слишком многие люди в нашей стране оказались готовы пойти на преступление, чтобы отнять деньги у других. Но никто не задает вопрос: почему часть населения нашей страны занялась криминалом, стала «бандитской»?

И таких вещей, о которых еще никто не подумал и которые никто не понял, пока остается слишком много.

На мой взгляд, проблема в понимании этого времени заключается еще и в том, что мы выстраиваем не те аналогии. Если бы мы сравнивали этот период, например, с эпохой Гражданской войны или с другими периодами безвластия в России, то, может быть, 90-е были бы окрашены в другие краски.

Сегодня мы всех собак вешаем на «демократов» и «либералов», на тех, кто оказался в 1991-м у руля власти. Но ведь они сумели все-таки удержать власть – без репрессий, без нарушения прав и свобод. Сумели создать институты, ценности, наполнить бюджет, в конце концов, просто-напросто сохранить минимальный порядок на улицах. Им почему-то не ставят это в заслугу. Вообще не замечают этого аргумента. А зря. Когда в стране орудуют банды, совершенно открыто, и милиция (бывшая советская) им не мешает, и они отнимают деньги у всех, кто пытается их зарабатывать, и пытаются контролировать любой бизнес – вот это и есть гражданская война, только тихая, необъявленная. Робин Гуд хорош только на древнеанглийском языке и в переводе Чуковского. А вообще гражданская война, любая – это ужас, хаос, кровь. Это стихийное историческое движение. Когда массы людей вдруг начинают не подчиняться ничему. Это происходит в момент крушения старой политической системы. В 1917 году рухнула одна система. В 1991 году – другая. А результат мог бы быть очень и очень похожим. Если бы не оказалось того правительства. И если бы не Ельцин.

Словом, хотелось бы, чтобы 90-е были описаны с разных сторон – и с точки зрения всего, что они дали, и с точки зрения того, что они отняли, – но в любом случае все это должно быть понято более глубоко, чем сейчас. Советская промышленность, наука и техника – это одна история, об этом много писали в последние годы. А была еще советская мораль – и об этом мало кто писал.

Но я знаю только одно: 90-е – это годы развития нашей страны, когда она становилась непохожей на то, что мы видели до этого и к чему привыкли. Какой она стала – это уже следующая история, и это тоже еще никем не осознано.

– Многие из тех, кто пережил крушение Советского Союза, убеждены, что моральное состояние общества при «старом режиме» было значительно выше, чем в следующие два десятилетия. Причем нередко об этом говорят не только «ностальгирующие» по СССР, но и те, кто так или иначе «сопротивлялся» советской власти. Возникает вопрос: что же случилось с нравственными ценностями? Если они существовали на самом деле, то чем было вызвано их столь быстрое падение, и почему они оказались такими нестойкими?

– Да нет, они оказались довольно стойкими. Возвращаясь к аналогии с нашей Гражданской войной начала XX века. Казалось бы, дореволюционная Россия была по-настоящему христианской страной. Все ходили в церковь по воскресеньям. Все вообще. И что же началось – поджоги усадеб, изнасилования, грабежи, погромы, террор, пытки, расстрелы, полномасштабная гражданская война. Дикая жестокость. Потом ГУЛАГ. Всемирный образ «нечеловеческого»... И вот рухнула советская власть. Но последствия для людей оказались более мягкими. Не возник голод. Была гуманитарная помощь Запада. Ельцин на какое-то время сумел объединить людей верой в реформы. Очень умело маневрировал, несмотря на свои тяжелые ошибки. Находил компромиссы. Вовремя обращался к народу. И так далее. Но это одна сторона дела, а другая сторона заключается в том, что население после 70 лет СССР было поголовно грамотным. То есть это была страна квалифицированных рабочих, окончивших среднюю школу, инженеров, специалистов, служащих, чиновников. Конечно, культура сама по себе не может быть заменой религии и морали. Но мы очень недооцениваем значение образования, хотя бы даже поверхностного, и профессиональной работы для развития человеческих ценностей. Поэтому я считаю, что советская мораль – порой лицемерная в своих внешних проявлениях, не базирующаяся на религии и, увы, вообще довольно искусственная во многих своих чертах, – все-таки достаточно глубоко повлияла на развитие ситуации в 90-е, и повлияла крайне благотворно. Люди у нас по-прежнему хотят жить в цивилизованной стране. Просто они совершенно не понимали, что для этого нужно сделать. Обвиняли в своих бедах кого угодно. Готовы были возвести Путина на царство, лишь бы он вернул пресловутую стабильность. Но это понятно. Люди слабы. И вовсе не обязаны быть глубокими аналитиками своей жизни.

Они этой жизнью живут, они ее не анализируют. Но значительная часть общества – такая, я бы сказал, не очень заметная, – оказалась просто на высоте. Ничего из моральных ценностей эти люди не потеряли. Я не могу подробно это сейчас разбирать. Просто советую смотреть не куда-то вдаль, и уж тем более не в телевизор, а на своих друзей и знакомых. Родных. Близких. Соседей.

Но есть одна очень существенная проблема в этом постсоветском «моральном» или ценностном пространстве.

Оказалось, что если ценности свободы и справедливости слишком тесно связаны с противостоянием, сопротивлением внешнему давлению, то вне этого противостояния они перестают быть значимыми. То есть эти ценности так и не стали для людей неотъемлемой внутренней реальностью. Внезапно выяснилось, что у новоиспеченных граждан свободной России, включая самых умных и образованных людей, «цвета общества», слабы внутренние сдерживающие центры, что у них элементарно не сформировано личного отношения ни к деньгам, ни к отношениям с властью, ни к тому, что можно, а что нельзя свободному человеку...

Люди, живущие в стабильном, устойчивом обществе, уверены в том, что они исключительно по своей доброй воле реализуют ценности, заложенные в них как бы самим ходом вещей. Существует общая мораль, которой все следуют, думая, что она внутри них. А на самом деле они просто «делают как все».

Логика противостояния наделяет противников заемной силой: каждая из сторон страстно приписывает «врагу» все плохое, неправильное, ложное, а «себе» – все лучшие качества и добродетели. И когда столь мощный и страшный противник пал, вместе с ним, как многим из нас тогда показалось, разом рухнуло и все человеческое зло.

Но в том, что наше поколение не справилось с этой вдруг навалившейся свободой, с исторической точки зрения нет ничего особенного. Многие прекрасные, цивилизованные европейские страны – Германия, Испания, Италия, – после падения правивших там монархических режимов проходили подобный путь. До падения монархии жившие там добропорядочные люди чтили законы, честно работали, честно торговали, учились в университетах; у них были традиционная религия, уважение к труду, праву и частной собственности – иерархия ценностей, выстроенная веками! Но вдруг все это ломалось, и возникали постмонархические режимы, во главе которых оказывались очень странные люди, новые «вожди народа», похожие на каких-то страшных клоунов, – Гитлер, Муссолини, Франко. Все эти страны прошли через гражданские войны и массовые репрессии. Когда ломается общая привычная система ценностей, люди переживают это очень тяжело. И примерно одинаково в разных странах. Если люди видят, как другие быстро богатеют, то у многих возникает желание отнять это богатство, разделить его между «своими» и унижить человека, который якобы нечестно нажил свои деньги. Это обычные социальные инстинкты.

О том, что со всеми нами происходило в 90-е, и сегодня, спустя двадцать лет, говорят либо с ненавистью, либо с неприязнью, либо с указанием на то, что для общественной морали это был чисто разрушительный элемент. Но на самом деле этот разрушительный элемент обладает и созидательной силой. Мы ведь не первое государство, в котором появились деньги, и нравственность отдельного человека при этом подверглась жесточайшему испытанию. Многие страны прошли через это, и в них установилась новая общественная мораль. А мы пока прошли лишь часть этого пути.

Я думаю, что до тех пор, пока новейшая история не может быть описана нормальным языком (и человеческим, бытовым, и литературным, и научным), она не может считаться законченной.

